

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Комаров М.В. «Враг», «чужак» и «субъект»: к возможности субъектно-ориентированного расширения концепции «политического» К. Шмитта // Философская мысль. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.8.71641 EDN: WHSOBF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71641

«Враг», «чужак» и «субъект»: к возможности субъектно-ориентированного расширения концепции «политического» К. Шмитта

Комаров Михаил Владимирович

ORCID: 0000-0002-3134-1540

аспирант; сектор философии российской истории; Институт Философии Российской Академии Наук

119501, Россия, г. Москва, ул. Матвеевская, 4, к2, кв. 100

✉ komarov.m.saoirse@gmail.com

[Статья из рубрики "Политическая философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.8.71641

EDN:

WHSOBF

Дата направления статьи в редакцию:

01-09-2024

Дата публикации:

08-09-2024

Аннотация: Объектом исследования является понятие и категория политического, рассматриваемое как самостоятельное явление, состояние и топологическое пространство особого порядка. Предметом исследования является концептуальная трактовка понятия политического К. Шмитта, описанная в его работе "Понятие политического" 1932 года и уточненная в последующих авторских дополнениях к переизданию. Целью данной работы является концептуальное углубление шмиттовского "политического" для расширения возможностей применения его в политико-философском дискурсе, а также для рассмотрения его в качестве самостоятельного явления онтологического, психологического и иных порядков. Для достижения этой цели в работе сформирована авторская интерпретация трактовки К. Шмитта. Она

позволяет задействовать междисциплинарный подход, а именно актуализировать фундаментальные политico-философские вопросы с привлечением социологического, психоаналитического и антропологического подходов. В качестве методов исследования избраны классические теоретико-научные методы. Был произведен анализ политico-философских произведений. Посредством индуктивного рассуждения были подобраны иллюстративные аргументы. Общие тезисы работы были сформированы в результате синтеза проанализированных положений. Новизна исследования заключается в рассмотрении концепции К. Шмитта не на макро-уровне политических отношений и в измерении государственного существования, а на микро-уровне субъектного бытия. Авторская интерпретация позволяет применять шмиттовское "политическое" с большей инструментальностью и с привлечением в политico-философский дискурс средств психологического, онтологического и антропологического подходов. Результатами исследования стал ряд теоретических положений. Во первых, взаимосвязь политического и государственного не является обязательной не только на макроуровне, приводимом К. Шмиттом, но и на микроуровне субъектной дифференциации. Во вторых, политическое следует воспринимать не как столкновение экзистенций, не имеющих общих свойств, а как столкновение субъектной экзистенции с выхваченными схожими или экзистенциями. В третьих, смещение логики интенсивности с интеракционного фокуса на субъектно-онтологический уровень позволяет не только рассматривать политическое с привлечением иных дисциплин, но также открывает его для более подробного политico-философского изучения.

Ключевые слова:

политическое, К. Шмитт, субъектно-ориентированная онтология, субъект политического, чужой, друг-враг, интенсивность, вражда, интеракция, очуждение

В рамках современной политической философии уже больше века существует открытая дискуссия вокруг некоторых ключевых понятий, задающих развитие политico-философского дискурса. Наиболее важным из них, с точки зрения автора, являются продолжаемые на сегодняшний день дебаты вокруг содержания концепции "политического", описываемого как самостоятельное явление, категория или даже как топологическое пространство. На протяжении европейской истории, начиная с Античности, слово "политическое" воспринималось вариативно и чаще как предикат чего-либо, а не как отдельный объект. Более того, благодаря такому "бэкграунду", концепция политического оказалась к началу XX века одним из наименее конкретных значений в политической философии. Что, с переменным успехом интерпретаций и переопределений, продолжается и по сей день.

Возобновление или, если уместно так выразиться, реинкарнация дискурса об определении политического как самостоятельной категории политico-философской мысли по праву принадлежит К. Шмитту. Его работа «О понятии политического», несмотря на очевидную полемичность ряда ее ключевых положений, оказалась фундаментом для современной политической философии. Не в последнюю очередь это связано с уникальностью самого целеполагания К. Шмитта, который в более поздних примечаниях к тексту [\[10\]](#) обозначил в качестве «вызыва», послужившего стимулом к его созданию, специфическую темпоральную неясность вокруг понятия «политического». Рассуждая в логике, разделяемой впоследствии школой «истории понятий» Р. Козеллека [\[3\]](#), автор выделяет свойственные разным эпохам и традициям смысловые нагрузки

«политического» как означающего. К. Шмитт отмечает, что подобное разнообразие значений, а также постоянное заимствование этой категории в связке с юридическим, теологическим или эстетистским значениями, долгое время препятствовало кристаллизации политico-философского смысла *политического*. Поэтому он строит своё определение посредством исключения, выделяя специфические диспозиции таким образом, чтобы они не пересекались по смыслу с этическими, эстетическими или экономическими диспозициями. В результате в центре шмиттовского определения политического оказывается диада «друг — враг», конституирующая положения и следствия его концепции.

Определяя диспозицию *друг — враг* как основополагающую и уникальную для политического как понятия и категории, К. Шмитт осекается и подчёркивает возникающий параллелизм с диспозициями этической категории. Суждения о *дobre — зле* и о *друге — враге* не случайно пересекаются, и потому автор намеренно разводит их, указывая, что *враг* не обязательно должен иметь соответствующе негативную этическую окраску. Возникновение вражды не проистекает из каких-либо иных критериев^[10, с. 301], оно самодостаточно и потому отобрано в качестве критерия определения политического. Как отмечает В. В. Башков^[5, с. 95], политическое само по себе означает потенцию к конфликту и возникновению врагов — принятие онтологической несовместимости ряда объектов с субъектами как факта и рождает *политическое*. Идея вражды в данном ключе заимствуется К. Шмиттом у Ф. Гегеля, о чём он сам свидетельствует в приводимой им цитате из работы «Системы нравственности»: «*Такое различие есть враг; и различие, положенное в соотношении, существует одновременно в качестве его противоположности бытию противоположностей, в качестве "ничто" врага, и это "ничто" для обеих сторон в равной степени есть риск борьбы*»^[6].

В «Понятии политического» неоднократно подчёркивается, несмотря на отсылки к суждениям о государственном и межгосударственном измерении политического, что авторская интерпретация не сводима к эскалационной зацикленности. К. Шмитт отдельно выносит войну как один из финальных инструментов вражды за скобки *политического*, что вроде бы лишает его достаточно акцентированный подход логического завершения. Если *политическое* может быть определено как определение отношения вражды как таковой, значит разрешение этой вражды в духе эскалации (в противном случае, политическое стремилось бы к устраниению потенциала вражды, что приводило бы его к самоустраниению) должно быть *политическим*. На этом фоне шмиттовское устремление вынести войну за пределы концептуального полагания, несмотря на большое уделённое ей внимание в тексте, кажется нелогичным.

Чтобы прояснить этот момент, следует, опираясь на точку зрения В. В. Башкова^[5] сделать акцент на специфическом понимании К. Шмиттом субъектного существования. Находясь под влиянием С. Кьеркегора, автор «Понятия политического» уделяет особое внимание экзистенциальной стороне субъекта. Последний не просто наличествует в бытии, вовлекаясь в динамическую сеть эвентуальных преобразований, он экзистирует, т.е. самобытийствует, находится в непрерывном становлении собой^[5, с. 88]. Подобный экзистенциальный фокус суждений К. Шмитта позволяет сосредоточить исследовательское внимание не на частностях применения диспозиции «друг — враг» и способах её реализации, а на том фундаментальном свойстве, приводящем к выражению субъектной экзистенции в *политическое*. К расширению его интерпретации исследователь и намерен обратиться.

Для начала представляется уместным обратить внимание на remarque К. Шмитта, раскрывающую характер политического разделения на друзей и врагов. Он указывает на всегда подразумевающуюся общность, которая выделяется по обе стороны политической диспозиции: «Феномен политического можно понять лишь через отнесение к реальной возможности разделения на группы друзей и врагов, что бы отсюда ни следовало для религиозной, моральной, эстетической, экономической оценки политического» [\[10, с. 311\]](#). Политика мыслится философом не как удел индивидов, определивших себя по отношению к другим в духе вражды — его взорениям не близок революционный индивидуалистический дух, — а как интенсивное противостояние групп, объединённых общей экзистенцией. Исходя из аргументов К. Шмитта, можно сделать вывод о том, что он полагает лежащим в центре разделения *друг — враг* столь интенсивный экзистенциальный конфликт, который может проистекать только из принципиальной несходности бытия между двумя врагами. Радикализация различия служит в таком случае маркером принципиальной онтологической "непереводимости" участников полемики друг для друга. Следствием из этого и будет являться радикальная эскалация политического в область войны и истребления, потому как инаковость бытия врага должна провоцировать устранение возможности к деэскалации. Иными словами, если следовать логике суждений К. Шмитта о разнице бытия *друга и врага*, о неразрешимой разнице их экзистенций, ранее выведенная им за скобки война становится неизбежным результатом политического [\[5, с. 109\]](#).

Вместе с тем, следуя логике размежевания групп, интенсивностью которой выступает *политическое*, представляется уместным обратить внимание не на то, в чём *враг* препятствует экзистенции *друга*, а какое воздействие он на неё оказывает. Иными словами, зачем группам *враги*, раз они готовы не поддаваться радикальной эскалации, а сохранять дух вражды в непрерывной полемике [\[11, с. 305\]](#)? Для прояснения этого момента, — забегая немного вперёд, демонстрирующего фундаментальную общность экзистенций вовлечённых в *политическое*, — следует обратиться к социальной стороне вопроса. А именно, к взгляду социологической науки на динамику межгрупповых взаимодействий.

Согласно точке зрения Г. Зиммеля, социальные взаимодействия с необходимостью предполагают оформление групповых границ [\[2\]](#). Их внешнее измерение служит способом самоопределения группы, и ключевую роль в этом взгляде "извне" для группы играет чужак. Его важность определяется не его собственным содержанием, но скорее тем анти-содержанием, которое накладывает на него чуждая ему группа [\[4\]](#). Чужак оказывается для группы способом артикуляции собственной уникальности, тех черт, которые конституируют её экзистенцию. Внутри группы общность бытия, являющаяся фактором объединения, неизбежно приводит к снижению интенсивности индивидуализирующих различий — сходство воспринимается по умолчанию, и потому не артикулируется. За пределами же группы всё, что не имеет определённой реляции к экзистенциальным чертам группы, имеет потенцию к проекции на него феноменального опыта, символических высказываний и ценностных установок. Именно поэтому *объединению друзей* жизненно необходимо наличие чужака как адресата самоидентификации, своеобразное зеркало — примечательно, что иллюзия зеркального "переворачивания" отлично иллюстрирует этого механизма: группа желает увидеть отражение себя именно в противоположном значении. Затем, чтобы посредством отрицания [\[11, с. 210-213\]](#) конституировать себя, огнешить самое себя ради полемичного присвоения. Как отмечает А. Юран [\[11, с. 220\]](#), асимметрия между утверждением и

отрицанием демонстрирует куда более нюансированное топологическое разнесение между внешним и внутренним: внешнее всегда заключает в себе больше внутреннего, чем внутреннее может себе позволить уловить. Не лишним на этом фоне будет указать на тот факт, что и Г. Зиммель сначала помещает чужака в качестве пространственно иного, отдалённого от группы [2]. Очужденное всегда находится вовне группы, но всегда в её орбите и приобретает своё значение только благодаря вовлечению в «гравитационное воздействие» групповой идентификации. Чужой становится таковым лишь благодаря интенсификации Своего, и в этом смысле, его экзистенция носит оттенки группы, к которой он не относится. Диспозиция друг — враг, а точнее *свой* — чужой формируется не из разницы экзистенций полюсов, а из экспансии одного из них в адрес другого, из вовлечения объекта в орбиту чужого по отношению к группе. И в этом смысле интенсификация самого чужого оказывается не настолько заслуживающей внимания: враг — лишь частный случай чужака.

Чужак необходим для самосозерцания, и в этом смысле следует отдать должное К. Шмитту: он отмечает экзистенциальную потребность в самой вражде для интенсификации собственного значения группы, хотя и не опускается в подобные тонкости, и от того масштаб играет с его аргументами злую шутку. Субъект в действительности не нуждается в уничтожении врага, но нуждается в самой практике вражды, в практике овнешения своих черт посредством очуждения врага. В этом проявляется его потребность в интенсификации собственного бытия, которое с необходимостью всегда взаимосвязано с иными объектами, и в этом отражается неизбежность политического. До тех пор, пока существует способность объектов к самосубъективации, а именно к интенсификации собственных наполнений (о них К. Шмитт говорит тогда же, когда упоминает, что интенсивность этических, экономических или же религиозных отличий рано или поздно становится политической), будет существовать политическое.

В подтверждение тезиса о том, что политическое является именно интенсификацией бытия субъекта, а не самим конфликтным отношением между субъектами за устранение одного из них, представляется уместным привлечь в качестве аргументов положения антропологического свойства. Так же как ранее К. Шмитт дистанцировался от неизбежной взаимозависимости политического и государства, П. Кластр утверждал, что в индейских обществах, традиционно воспринимаемых как догосударственных, отсутствие вертикальной консолидации не означало отсутствие политического в них. Напротив, по его утверждению, присущий воззрениям многих амазонских народов плюрализм воспринимаемых объектов способствовал динамическому возрастанию сферы политического [1, с. 216-217]. В частности, анимистские верования с их приятием иного онтологического статуса различным объектам «природы», создавали в воззрениях индейских обществ дифференциональное напряжение, сподвигавшее к символической полемике с "не-ими". Различие между друзьями и чужаками, между племенем и всем остальным миром, в равной степени субъектным по отношению к группе, как она к нему, формировало среду политического без формальных «точек кристаллизации»: дисциплинарных структур власти и государства. Подобное «сверхполитическое» состояние, постоянное вовлечение группы в самоинтенсификацию, не позволяло эскалировать и трансцендировать идею власти: дифференциальных отношений оказалось слишком много, чтобы допустить интенсификацию одного из них вплоть до выхода за пределы субъектности самой группы. Простыми словами, пример П. Кластра доказывает следующие два тезиса:

1. Политическое способно существовать без государства, последнее не является его обязательным условием.

2. Интенсификация всякого отношения, кроме отношения субъектной группы к не-себе, уменьшает пространство политического.

Властные отношения и политическая власть не были чужды индейским обществам, но вместе с тем, они никогда не оформлялись в нечто большее, чем в плоскую систему интеракций. С точки зрения П. Кластра, это позволяет противопоставить государство/единство и политическое, утверждать, что последнее должно существовать между свободными от вертикальных структур и принуждения людьми. Такая радикальная антиэтатистская логика К. Шмитта не близка, однако и он отмечает, что сращивание политического с государственным или партийно-государственным ведёт к эрозии и исчезновению первого. Это же недоверие к абсолютизации у немецкого философа отражается в критике возможности единого планетарного государства, которому он предрекает неизбежные гражданские войны.

Любопытно отметить, что в средах множественной интенсивной дифференциации, даже эскалация продолжает служить укреплению политического. Более того, даже самый радикальный пример эскалации в таких средах оказывается политическим в шмиттовском смысле этого слова. Продолжая антропологическую «индейскую» линию, представляется уместным вспомнить рассуждения Э. В. де Кастро о каннибалских практиках амазонских племён. В степени радикальности вражды антропофагия может уступить, возможно, лишь геноциду, ведь речь идёт не просто об убийстве врага, но о его полном устраниении в физическом смысле этого слова. На первый взгляд группы, осуществляющие подобные практики по отношению к другим группам, должны выходить из политического. О выходе сверхэскалации из него уже было сказано ранее. Однако Э. В. де Кастро представляет иной взгляд на амазонскую каннибалскую социальность, говоря, что «... «внутреннее» социального тела целиком и полностью создаётся за счёт внешнего захвата символических ресурсов (имён и душ, лиц и трофеев, слов и воспоминаний). Выбрав в качестве движущего принципа инкорпорацию атрибутов, поступающих от врага, индейский социус стал "определяет" себя через те же самые атрибуты» [\[10, с. 101\]](#). Физическое измерение амазонской антропофагии неотделимо от своей символической нагрузки: речь идёт не о мясе или физическом человеке, но о враге в его материально-символическом единстве. Даже будучи поверженным, враг остаётся частью конституирующей интенсификации групповой экзистенции. Друг познается в враге путём его предельной инкорпорации. Анализируя военные песни народа аревете, Э. В. де Кастро формирует один из ключевых тезисов политического [\[8, с. 100-101\]](#): через убийство своего врага субъект осознает себя и представляет себя подобным врагу, т.е. воспринимает от врага себя и анти-себя, всю полноту представления о самом себе. Чужак «создаётся» для схватывания политическим субъектом собственного бытия.

Таким образом, источником дифференциации друг — враг в основании политического лежит сам субъект. Именно определение друзей и врагов, как и утверждал К. Шмитт, лежит в основе политического. Однако если для него в фокусе больше оказывается уже наличествующая вражда, уже сформированные политические, то для исследователя большую ценность имеет углубление в сам фундамент образования политического. Для приобретения этическими, экономическими, религиозными или какими-либо другими интересами политической интенсивности, эти интересы в первую очередь должны быть присвоены субъектом. При этом степень этого присвоения должна быть такой, чтобы их существование связывалось с экзистенцией субъекта, с необходимым условием его бытия. В таком случае политическое становится способом существования самоинтенсифицированного субъекта, а также инструментом его экспансии за пределы собственного опытно-феноменального пространства. Исходя из этого, концепцию

политического К. Шмитта имеет смысл рассматривать как более глубокое субъектно-онтологическое явление, в котором асимметричное самопозиционирование имеет большее значение, нежели интеракционные сети, которыми субъект (будучи одним или в составе группы) связывается в процессе разрешения имеющегося дисбаланса.

Библиография

1. Clastre P. Society Against the State Essays in Political Anthropology. New York: Zone Books. 1989. 224 p.
2. Simmel G. Critical assessments / Ed. by D. Frisby. London: Taylor & Francis, 1994.
3. Koselleck, R. Zeitschichten. Studien zur Historik/Frankfurt/M. 2000: Suhrkamp Taschenbuch Verlag. 399 S.
4. Баньковская С. П. Чужаки и границы. СПб.: Владимир Даль, 2023. 300 с.
5. Башков В. В. Репетиция политического Сёрен Кьеркегор и Карл Шмитт. СПб.: Владимир Даль, 2022. 315 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Система нравственности / пер. Е.А. Фроловой // Гегель Г.В.Ф. Политические произведения / под ред. Д.А. Керимова. М. : Наука, 1978. С. 276—367.
7. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114—119.
8. Кастро, Э. В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.
9. Кьеркегор, С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» /Пер с датского яз. Н.Исаевой и С.Исаева. СПб.:Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 680 с.
10. Шмитт, К. Понятие политического. / Пер. с нем. Под ред. А. А. Филиппова. СПб.: Наука. 2016. 568 с.
11. Юран А. Пространство в психоанализе. К вопросу о топологической протяженности психики. СПб.: Скифия. 2024. 360 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный на рецензирование материал можно оценить лишь как набросок научной статьи. Его объём составляет 0,4 а.л., круг источников и привлечённой критической литературы также весьма узок. Если автор сочтёт возможным продолжить работу над избранной темой, то ему необходимо будет учесть следующие замечания. Очевидно, «враг», «чужак» и «субъект» в названии статьи предпочтительно взять в кавычки, поскольку речь идёт именно о понятиях. В статье требуется дать и хотя бы краткое введение, автор начинает повествование так, будто читатель уже знаком с обсуждаемой темой и должен разделить «полемический настрой» автора. Конечно, введение может иметь и «неформальный» вид (без пунктуального перечисления задач, методов, и т.п.), но всё же оно необходимо, чтобы даже читатель, не знакомый с проблематикой, мог включиться в её обсуждение. Далее, в тексте много выражений, которые трудно признать ясными и уместными. Например, явно неуместным является выражение «...строит своё определение в дизъюнктивном ключе». «Дизъюнкция» — это термин, который входит в название сразу двух (разных) логических связок, и то пояснение, которое следует за этим выражением, не соответствует смыслу ни одной из них, поскольку (в обоих вариантах) речь идёт об исключающем или не исключающем «выборе», а вовсе не о «пересечении» (объёмы понятий? «пересекаться» могут только объёмы понятий). Здесь же автор и крайне сомнительно использует термин «диспозиция», который в русском языке имеет несколько, но всё же достаточно

определённых, значений. Если же учесть, что, по словам автора, «пересечения» могут быть как «случайными», так и «сущностными» (?), то приходится заключить, что рассматриваемый фрагмент вообще не несёт никакой определённой информации. Как читатель должен «догадаться» о смысле высказываний, если автор не принимает на себя обязательство выражать этот смысл, насколько возможно, в ясных, определённых формулировках? К сожалению, это не единственный подобный фрагмент в тексте, между тем, политическая философия как никакой другой раздел философского знания требует определённости, поскольку затрагивает конкретные интересы людей. В тексте осталось много лексических, пунктуационных, стилистических ошибок, например: «чтобы прояснить этот момент следует, вслед...» (запятая должна стоять после «момент», а «следует» и «вслед» не могут стоять рядом!); «отсылки на суждения» («к суждениям»?); «основополагающие положения» (снова «недопустимое соседство»), а вслед за этим ещё и «фундамент», то есть опять «основоположение»; «...логике размежевания групп, интенсивностью которой выступает политическое» (как «политическое» может «выступать интенсивностью»?); «уже сформированные политические» («политические» что?), и т.п. Наконец, в завершающем абзаце текста автор резюмирует свои размышления, формулируя положение и возможности соотнесения источника «политического» с субъектом. По его мнению, «перенесение фокуса» на субъекта позволит преодолеть «натуралистические» (этого слова в тексте, правда, нет) составляющие «политического», то есть принятие «уже наличествующей вражды» как источника указанного понятия. Думается, это положение следует представить более подробно. В статье присутствует оригинальное содержание, которое может выступить в качестве основания серьёзной научной публикации, однако, она нуждается в доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Поданная для публикации статья, как следует из ее названия, предлагает некоторое расширение концепции «политического», предложенной классиком консервативной мысли прошлого века К. Шмиттом. Как известно, «политическое» определялось Шмиттом с помощью диады «друг – враг». Эту диаду Шмитт не отождествлял с понятием добра – зла, так как в ней важно противостояние и вражда как таковые, а не морализаторство. Речь идет не об этической несовместимости, а о несовместимости так сказать онтологической. Такая несовместимость создает необходимую «интенсификацию» бытия, в которой и заключается весь *raison d'être* политического.

Однако автору статьи представляется некоторой непоследовательностью то, что Шмитт «выносит за скобки» войну. С одной стороны, политический субъект в действительности не нуждается в уничтожении врага, но нуждается в самой практике вражды. Но, с другой стороны, если бы такая вражда не вела к эскалации, то это означало бы, что «политическое» стремится к устраниению потенциала вражды, что приводило бы его к самоустраниению. Что же делать? Автор статьи предлагает расширить понятие врага социологическим подходом Г. Зиммеля, в котором важнейшую роль играет понятие «чужака». В отличии от врага, чужак оказывается для группы не только внешним противостоянием, отрицающим собственное бытие, но и способом артикуляции собственной уникальности, тех черт, которые конституируют её экзистенцию. Коллективный субъект нуждается в «практике овнешения [так у автора статьи] своих черт посредством очуждения врага. В этом проявляется его потребность в интенсификации собственного бытия, которое с необходимостью всегда взаимосвязано с

иными объектами».

Замечу, что данное рассуждение автора статьи вполне разумно. Оно, между прочим, отчасти вписывает К. Шмитта в то направление философии прошлого века, в котором образ индивидуального Я формируется в прямой зависимости от Другого, так что в конечном счете образ Другого доминирует в самосознании субъекта. Такой подход был присущ самым разным философам от Бахтина до Сартра, только у первого это оценивалось позитивно, а у второго – негативно. Но автор пошел другим путем, и для него примером стал каннибализм амазонских племен. «Физическое измерение амазонской антропофагии неотделимо от своей символической нагрузки: речь идёт не о мясе или физическом человеке, но о враге в его материально-символическом единстве. Даже будучи поверженным, враг остаётся частью конституирующей интенсификации групповой экзистенции. Друг познается в враге путем его предельной инкорпорации». Ну что ж! Такой подход тоже позволяет сделать интересные теоретические и практические выводы.

Разумеется, все сказанное не отрицает значимость данной статьи. Ее недостатком является лишь несколько тяжеловатый стиль и обилие квазинаучных терминов. Все эти «овнешения» и «очуждения» текст не украшают, даже если они присутствуют в русских переводах К. Шмитта. Однако недостаток это простителен, и может быть исправлен или не исправлен по желанию автора.

Считаю, что статья может быть опубликована.